

Ирина Серафимовна Урманчеева

DOI: <https://doi.org/10.31648/an.4358>

Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6376-1059>

КОНСЕРВАЦИЯ ИСХОДНЫХ ВАРИАНТОВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ В СИСТЕМЕ ДИАЛЕКТА (НА ПРИМЕРЕ ГОВОРОВ НИЗОВОЙ ПЕЧОРЫ)

Key words: dialects of Local Pechora, Pechora phraseology, alternativeness of phraseological units

Основная масса фразеологизмов современного русского языка возникла на русской почве, причем своим генетическим источником она имеет словосочетания и предложения из разговорной речи или просторечия. При этом в состав фразеологизмов русского языка в целом попадают все без исключения устойчивые обороты – фразеологизмы литературного языка, народных говоров, профессиональных жаргонов, аргю [Молотков 1977, 207-220]. Значительная часть фразеологизмов восходит к одноименным свободным словосочетаниям и предложениям, хотя источником фразеологических единиц (ФЕ) могут быть пословицы и поговорки, сказки, басни и т.д. [Жуков и др. 2006, 243]. Фразеологический запас русского языка непрерывно пополняется, помимо книжно-литературных источников, за счет живой речи и устного народного творчества, причем фразеологический фонд расширяется по преимуществу путем преобразования обычных словосочетаний, семантический потенциал которых исключительно велик и зависит от возможности употребления их в переносном значении [Бабкин 2009, 181-186].

Изменение структуры, значения, состава фразеологического оборота Н.М. Шанский связывает с процессами, происходящими в языке в целом, особенно с изменениями в лексике и грамматике, явлениями аналогического воздействия и народно-этимологического сближения, с эвфонической обработкой выражения [Шанский 1985, 107-108].

В научных работах по фразеологии подчеркивается относительная устойчивость фразеологических оборотов, не исключая их вариантности. Объясняется это историческими процессами возникновения фразеологизмов. Поскольку большинство фразеологизмов первоначально были свободными сочетаниями, заменяемость компонентов была для них естественна. В основе устойчивого оборота должно быть несколько сочетаний, взаимозаменяемость компонентов для которых – обычное явление [Мокиенко 1989, 16-17]. Особый интерес в этом случае представляет собой диалектная фразеология, сумевшая сохранить те исходные, параллельно существовавшие выражения, которые литературному языку по тем или иным причинам сберечь не удалось.

Говоры бассейна Низовой (Нижней) Печоры – это речь коренных русских жителей Усть-Цилемского района Республики Коми Российской Федерации. Носители печорского говора проживают в деревнях, расположенных по реке Печоре и ее притокам – Цильме, Пижме и Нерице. Русские говоры Низовой Печоры – это говоры переселенческие, островные, говоры поздней формации. По своим существенным признакам они относятся к северному наречию. Письменные источники свидетельствуют о появлении русского народа в бассейне Печоры в X-XII вв. Население этого края было смешанным, коми-русским. В конце XVII – начале XVIII вв. русское население на Печоре пополняется новой миграционной волной, вызванной движением старообрядчества. Возникновение печорских говоров в качестве самостоятельного диалектного образования относят к XV-XVIII вв. Островное положение печорских говоров способствовало, с одной стороны, консервации архаических явлений, с другой стороны – своеобразному внутрисистемному развитию этих говоров.

В статье рассматриваются такие печорские варианты общерусских фразеологизмов, которые, по мнению этимологов, послужили основой для возникновения общеупотребительных устойчивых оборотов, но в активном словарном запасе литературного языка не сохранились, при этом они до сих пор употребляются в системе диалекта, в частности в говорах Низовой Печоры.

Вариантность общерусских и печорских ФЕ может быть обусловлена взаимозаменами компонентов, синонимичных друг другу или близких по семантике. Узуальная закрепленность, традиция употребления предопределяет наше восприятие: носитель языка осознает привычную для него форму фразеологизма как исконную, считая все остальные варианты употребления устойчивого выражения отклонением от нормы.

Так, в говорах Низовой Печоры существует фразеологизм *ни богу свечка, ни чёрту ожег* ‘безалаберный, бестолковый человек, у которого ничего не получается’ [ФСРГНП, II, 108]. Носителям литературной формы языка, не знакомым с системой диалекта, известен только общеупотребительный вариант *ни богу свечка ни чёрту кочерга* ‘посредственный, средний,

ничем не выделяющийся человек' [ФСРЛЯ, 600]. Употребление компонента *ожег* в составе этой ФЕ воспринимается как нарушение нормы. Однако этимологические данные этого не подтверждают. В говорах Низовой Печоры слово *ожег* означает 'палка, которой мешают угли в печи; кочерга' [СРГНП, I, 512]. В.М. Мокиенко отмечает, что ФЕ *ни богу свечка, ни чёрту ожег* широко употребляется в севернорусских говорах и даже в других славянских языках. Ученый приходит к выводу о противопоставлении в обороте двух источников света: *боговой свечи* и *чёртовой обгорелой лучины*, что логично вписывается в антитетическую модель противопоставления противоположных, но сопоставимых, тематически однородных реалий. Более того, В.М. Мокиенко предполагает, что именно компонент *ожег* был во фразеологизме исходным, а впоследствии подвергся лексической замене на слово *кочерга*, тоже, кстати, реализующее «деревянное» значение (более подробно см.: [Мокиенко 1989, 13-17]). Другие этимологи также склоняются к версии противопоставления «богова» (*свеча*) и «чертова» (*ожег, кочерга* – 'головешка, огарыш, лучина, обгорелая деревяшка') источников света (см. библиографию: [РФ, 58]). Печорский оборот *ни богу свечка ни чёрту ожег* не противоречит общепринятой этимологической версии, и *ожег* – это не обычная кочерга, а именно деревянная, обгоревшая: «*Пець мешаём в байне коцергой или ожэк – обгорелой такой*» [СРГНП, II, 512].

Как вариантные в говорах Низовой Печоры употребляются фразеологизмы *выть заморить* – *кишки заморить* – *червячка заморить* 'немного поесть, перекусить' [ФСРГНП, I, 159], причем последнее выражение употребляется в литературном языке с аналогичным значением и считается калькой французского оборота *tuer le ver* 'выпить натошак рюмку спиртного', букв. 'убить червя' [РФ, 750]. Старое русское слово *выть* сохранилось в печорских говорах в разных значениях: 'пора еды', 'количество пищи, употребленное за один раз', 'аппетит', 'пища' и др. [СРГНП, I, 126]. Поэтому буквально понимать оборот *выть заморить* следует как 'заглушить разыгравшийся аппетит'. Трансформация значения французского оборота, в котором речь идет о выпивке, в шутливое выражение о легком перекусе произошла не без влияния старинного областного русского оборота *заморить выть*, то есть французское выражение не столько было неверно переведено, сколько вобрало в себя значение пищевого, «вытного» оборота [Мокиенко 2007, 62-64]. Общеупотребительный непрозрачный фразеологизм *заморить червячка* «утратил семантическую связь со своим французским прототипом и стал специфичной национально окрашенной идиомой со значением "слегка закусить"» [РФ, 750]. Фразеологизм *кишки заморить* логично встраивается в вариантный ряд с лексической субституцией на основе квазитематической близости компонентов *выть / кишки / червячок*, причем компонентная непрозрачность всех вариантных идиом раскрывается только методами историко-этимологического анализа.

Исходные, базовые выражения часто обладают большей варьированностью, чем устойчивые обороты, впоследствии закрепившиеся в узусе. Ненужная вариантность, дублетность нивелируется. Так, общерусская поговорка *под лежащий камень вода не течет* в литературном языке имеет преимущественно такую форму, хотя в прошлом эта восточнославянская поговорка употреблялась в разных вариантах: *под лежащий камень / лежащую колоду вода не течет / не бежит / не идёт* (рус.); *під лежащий камінь і вода не тече* (укр.) [РФ, 283]. В говорах Низовой Печоры, напротив, широкая варьированность поговорки сохраняется: *под лежащий камень (лежащую колоду) <вода> не плещет (подплещет, принесёт, подбежит, забежит, пойдёт, течет)* [ФСРГНП, II, 187].

Вариантность компонентов ФЕ не единственный результат преобразования исходного оборота. Гораздо чаще оборот-прототип подвергается эллипсизации, при этом в литературном языке, как правило, продолжает существовать редуцированный вариант, а народные говоры гораздо дольше сохраняют первоначальную полноструктурную форму устойчивого сочетания, представляющую собой поговорку, поговорку или другую разновидность поговорки.

Рассмотрим общерусские идиомы *губа не дура, ни кола ни двора, тья-ляп, не по Сеньке шапка, сам не свой, чудеса в решете, чем чёрт не шутит, держать камень за пазухой*. По наблюдениям ученых, чаще всего эллипсису подвергается вторая часть фразеологизма. В таких фразеологических единицах первая часть включает образ поговорки, а вторая – расшифровку образа. Фразеологизм сохраняет более экспрессивную и образную часть, а расшифровка образа постепенно становится излишней [Мокиенко 1989, 118]. Однако сокращения могут быть частичными, касаться первой части фразеологизма. Почти во всех случаях сокращение фразеологизма сопровождается также изменением его структуры [Шанский 1985, 113].

В печорских говорах употребляются поговорки *тяп-ляп – опять корабль, тяп-ляп – вышел корабль* [ФСРГНП, II, 341]. По мнению В.П. Жукова, фразеологизм *тяп-ляп* возник из поговорки *тяп-ляп да и корабль (корабль)* [ШФСРЯ, 468]. Диалектные данные подтверждают существование в прошлом прототипического исходного выражения, при этом незначительные лексические несоответствия естественны в условиях сохранения базовых свободных сочетаний с широкой варьированностью компонентов.

В говорах Низовой Печоры сохранилась поговорка *чудеса в решете: дыр много, а выскочить некуда* [ФСРГНП, II, 395]. За пределами печорских говоров бытуют и другие варианты: *чудеса в решете: дыр много, а выйти нельзя; чудеса в решете: дыр много, а вылезть негде; чудеса в решете: дыр много, а вылезть (вылезти) некуда* [БСРП, 996]. Считается, что именно в результате импликации одного из вариантов этой шуточной поговорки возникла идиома *чудеса в решете* (см. библиографию в: [РФ, 759]).

Не менее вариативна поговорка *чем чёрт не шутит, когда (пока) Бог спит; чем чёрт не играет – и оценокми бросает* [БСРП, 990]; *чем чёрт не шутит, когда Всевышний молчит (спит)* [Бахшиева 2001, 270]. В печорских говорах она существует в виде *чем чёрт не шутит: из дубинки выпалит* [ФСРГНП, II, 386]. Считается, что такой вариант поговорки существовал ранее и именно он послужил основой для эллиптирования (см.: [РФ, 752]). Все варианты строятся или на антитезе, где *чёрту* противопоставляется *Бог / Всевышний*, а шалостям *чёрта* – отсутствие контроля со стороны *Бога*, или на отношениях неравнозначности, пояснения (соотношение общего – частного), где вторая часть может содержать описание любых каверзных поступков *чёрта*.

Вопрос об имплицитном (сокращение) или эксплицитном (наращение) характере возникновения фразеологической единицы не всегда может быть решен однозначно. Так, общерусские обороты *по Сеньке и шапка, не по Сеньке шапка*, по мнению Ф.С. Бахшиевой, результат эллиптирования поговорки *по Сеньке шапка, по Ерёме колпак* [Бахшиева 2001, 272-273]. В.М. Мокиенко считает фразеологизм *по Сеньке и шапка* стержнем поговорок, развивших широкую вариантность в литературном языке и диалектах [Мокиенко 1989, 152]: *по Сеньке и шапка, по Ярмолке колпак* (кубан.); *по Сеньке и шапка, по Ерёме кафтан; по Сеньке шапка, по Ерёмке колпак, а по Ивашке – и рубашки; по Сеньке шапка, по Ермошке колпак (кафтан); по Сеньке шапка, по Малашке шлык* [БСРП, 802]. В говорах Низовой Печоры утвердительная полноструктурная версия имеет следующий вид: *по Сеньке шапка, по Тришке кафтан* [ФСРГНП, II, 180], а отрицательная – *<не по Сеньке шапка>*, *<не по Фоме колпак>* [ФСРГНП, II, 92]. Во всех оборотах постоянным компонентом является антропоним Сенька, о частотности употребления которого в сочетании со словом *шапка* свидетельствуют памятники письменности XVII в. [БСРП, 802]. Другие антропонимы вариативны (*Ерёмка, Ерёма, Ермошка, Ярмолка, Ивашка, Малашка, Фома, Тришка*). Смысл поговорки опирается на культурно и социально значимые наименования предметов одежды. Долгое время шапка оставалась знаком принадлежности к боярскому роду: чем выше и больше боярская шапка, тем знатнее и богаче ее хозяин. Вообще шапка долгое время играла важную роль в определении социального статуса мужчины [Россия: БЛС, 623-624]. Шапка выступает во фразеологизме в качестве слова-символа, знака культуры, определяющего социальный статус лица, его происхождение. Все остальные гипонимы (*колпак, кафтан, рубашка, шлык*) включаются в этот круг символьных наименований и метафорически или метонимически обозначают занимаемую должность, положение в обществе, доходы, партнера в браке.

Просторечный фразеологизм *губа не дура*, по мнению большинства этимологов, является сокращением поговорки, зафиксированной многими собирателями паремий в разных вариантах (см.: [БСРП, 228]): *у него*

губа не дура, язык не лопатка: знает, где горько, где сладко [РФ, 170]. В говорах Низовой Печоры эта пословица сохранилась в несколько ином виде, никак не сказывающемся на ее семантике и узнаваемости: *губа не дура, <язык не лопата (топор) – <знают, что горько, что сладко>>* [ФСРГНП, I, 191]. Сопоставление литературной идиомы с ее исходным полноструктурным вариантом позволяет прояснить внутреннюю форму фраземы, расшифровать этимологический образ, послуживший основой для формирования фразеологического значения. Следует оговориться, что А.И. Молотков выступает против версии сокращения пословицы, считая, что выражение не является следствием сокращения, а, наоборот, включается в новую поговорку [Молотков 1969, 113-114].

Общерусская фразеологическая единица *ни кола ни двора* построена по принципу псевдоисчерпания – разновидности категории переинтерпретации, представляющей собой, в свою очередь, одну из составляющих категории идиоматичности [Баранов и др. 2008, 30-40]. При процедуре псевдоисчерпания перечисляются только отдельные элементы общего множества, не всегда самые важные, которые создают видимость перечисления всех элементов множества. В говорах Низовой Печоры двучленной разговорной идиоме *ни кола ни двора* соответствуют многочленные выражения с постоянными и переменными компонентами. Формула псевдоисчерпания стремится расширяться за счет включения неперечисленных компонентов множества, что, при невозможности включения всех потенциальных членов в один оборот, создает условия для возникновения вариантности: *ни кола, ни двора, ни милого живота / ни кола, ни двора, ни перегородки / ни кола, ни двора, ни поддворна труба / ни кола, ни двора, ни поддворного места / ни кола ни задоринки*. Н.М. Шанский предполагает эллипсизацию оборота *ни кола, ни двора, ни милого живота* до общеизвестного варианта [Шанский 1985, 114]. Неоднородность семантики компонентов третьей части поговорки, а также ее широкая варьированность ставят под сомнение утверждение об импlications какого-то конкретного оборота до общеизвестной идиомы [Мокиенко 1989, 126-127].

Трансформация формы фразеологизма нередко влечет семантические сдвиги, которые объясняются затемнением внутренней формы, связанным с деактуализацией этимологического образа. Рассмотрим такой пример. В современном русском литературном языке фразеологизм *сам не свой* имеет значение 'расстроен, потерял душевное равновесие' [ФСРЯ, 378]. С синхронной точки зрения, фразеологизм основан на антропной метафоре, в которой состояние внутреннего дискомфорта уподобляется утрате «своего» личностного тождества и ситуации выпадения человека из круга «своих» [БФСРЯ, 612]. Однако историко-этимологический анализ позволяет восстановить утраченную мотивировку образа. В говорах Низовой Печоры встречаем пословицу *сам <себе> не свой, <половина дьявола> / сам не свой, <сам себе не волён>* [ФСРГНП, II, 269], имеющую несколько иное

значение и относящуюся либо к сумасшедшему: «У нас Андрей Иванович был; он был сам не свой, половина дьявола, он как будто психически больной»; либо к больному или пьяному: «У меня когда давление, дак я сама не своя, сама не вольня»; «Идёт, лягается, сам не свой, половина дьявола, пьянюшкой». Предполагается, что именно таким было первоначальное значение идиомы (ср. общерус. пословицы *Больной и сам не свой*; *Пьяная баба сама не своя*). Состояния болезни или опьянения обычно связывались в народном сознании с нечистой силой [РФ, 621]. *Сам не свой* означает, что человек уже наполовину принадлежит нечистой силе («не свой» – один из эвфемизмов черта) [Мокиенко 1999, 277]. Развернутый вариант выражения, а также его консервация в системе диалекта в исходном значении эти выводы этимологов подтверждают.

Семантические трансформации могут осуществляться самостоятельно, без привязки к формальным преобразованиям. Так, форма идиомы *дать дуба* не изменилась, но значение претерпело семантический сдвиг. По мнению этимологов, этот фразеологизм, означающий в литературном языке ‘умереть’, первоначально был связан с глаголами *задубеть*, *задубенеть* ‘остыть, потерять чувствительность, сделаться твердым’. Исходное значение оборота – ‘стать неподвижным как дуб, выпрямиться, охолодеть’ [РФ, 202]. В говорах Низовой Печоры фразеологизм *дать дуба* сохранил свое первоначальное значение ‘сильно замерзнуть’: «Не худо я сёдни дал дуба. Ветер так с ног и сбивает. – А мороз-то какой» [ФСРГНП, I, 226].

Общерусский оборот *во всю Ивановскую* в одном из своих значений характеризует громкий крик. Существует много разнообразных этимологических версий происхождения этого оборота (см.: [РФ, 262-264]). Некоторые этимологи связывают фразеологизм с выражением *звонить во всю ивановскую*, которое буквально значило ‘во все колокола колокольни Ивана Великого в Московском Кремле’. В говорах Низовой Печоры употребляется ФЕ *на всю ивановскую* **растрезвонить** ‘рассказать всем, разнести вздорные слухи’: «Ей ницё сказать нельзя, она растрезвонит на всю Ивановскую» [ФСРГНП, II, 9].

Эллиптирование первой части исходного оборота – явление довольно редкое. Оно также может повлечь семантическую трансформацию, упрощение смысла. В говорах Низовой Печоры сохранилась пословица **дружбу дружить, а камень за пазухой держать** [ФСРГНП, I, 226]. Именно от этой или подобных пословиц (*дружиться дружись, а камень за пазухой держи; с ним дружить-то дружи, а камень за пазухой держи*), по мнению некоторых этимологов, возник общеупотребительный фразеологизм *держать камень за пазухой* [РФ, 281-282]. Благодаря первой части, образованной редупликацией компонентов, пословица обладает непрямолинейным смыслом и осуждает не только тайную злонамеренность человека, но и его коварство, вероломство, способность к предательству. Общеизвестный в данное время вариант таким наслоением смыслов не обладает.

На примере одного диалектного образования – переселенческого, островного, развивавшегося в отрыве от центральных областей диалектного массива – было показано сохранение в качестве устойчивых тех исходных оборотов, которые могли послужить одним из возможных источников современных фразеологизмов литературного языка. Выражения, которые с большой долей вероятности послужили основой для создания общерусских идиом, обладают широкой варьируемостью компонентного состава и структуры в пределах одного говора или территориальной разновидности национального языка в целом.

Как показал анализ, в процессе становления выражения в качестве устойчивой, воспроизводимой единицы она претерпевала и лексические замены, и редукцию последней или – реже – первой части, и семантические трансформации. Без привлечения диалектного лингвистического материала историко-этимологические изыскания не могут считаться полноценными. В то же время вопрос об имплицитном или эксплицитном характере возникновения многих фразеологических единиц до сих пор остается дискуссионным, поэтому назвать те или иные устойчивые выражения исходными можно лишь гипотетически.

Библиография

- Babkyn Aleksandr Mychajlovyč. 2009. *Russkaja frazeologija, ee razvytye u ystočnyku*. Moskva: Knyžnŷj dom «LYBROKOM» [Бабкин Александр Михайлович. 2009. *Русская фразеология, ее развитие и источники*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»].
- Bachšyeva Fydan Surat-hŷzŷ. 2001. *Adekvatnost' opredelennoj časty paremyj frazeologičeskym edynycam*. Fylolohyčeskij sbornyk materjalov meždunarodnoj naučnoj konferencyu. Red. Husejnov F.H. Baku: Yzdatel'sko-polyhrafyčeskij centr «BSU»: 264-275 [Бахшиева Фидан Сурат-гызы. 2001. *Адекватность определенной части паремий фразеологическим единицам*. Филологический сборник материалов международной научной конференции. Ред. Гусейнов Ф.Г. Баку: Издательско-полиграфический центр «БСУ»: 264-275].
- Baranov Anatolij Nykolaevyč, Dobrovol'skij Dmytrij Olehovyč. 2008. *Aspektŷ teoryj frazeologiju*. Moskva: Znak [Баранов Анатолий Николаевич, Добровольский Дмитрий Олегович. 2008. *Аспекты теории фразеологии*. Москва: Знак].
- Bol'soj frazeologičeskij slovar' russkoho jazŷka. Značenyje. Upotreblenyje. Kul'turolohyčeskij kommentar'j (BFSRJA). Red. Telyja V.N. Moskva: AST-PRESS KNYHA [Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий (БФСРЯ). Ред. Телия В.Н. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА].
- Fedorov Aleksandr Yl'uyč. 2008. *Frazeologičeskij slovar' russkoho lyteraturnoho jazŷka* (FSRLJA). Moskva: Astrel': AST [Федоров Александр Ильич. 2008. *Фразеологический словарь русского литературного языка* (ФСРЛЯ). Москва: Астрель: АСТ].
- Frazeologičeskij slovar' russkoho jazŷka* (FSRJA). 2001. Red. Molotkov A.Y. Moskva: AST: Astrel' [Фразеологический словарь русского языка (ФСРЯ). 2001. Ред. Молотков А.И. Москва: АСТ: Астрель].

- Frazeologičeskij slovar' russkych hovorov Nyžnej Pečorý*. V 2-ch tomach (FSRHNP). 2008. Sostavitel' Stavšyna N.A. Sankt-Peterburh: Nauka [*Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры*. В 2-х томах (ФСРГНП). 2008. Составитель Ставшина Н.А. Санкт-Петербург: Наука].
- Mokeyenko Valeryj Mychajlovuč y dr. 2010. *Bol'soj slovar' russkych poslovyc* (BSRP). Moskva: ЗАО «OLMA Медиа Групп» [Мокиенко Валерий Михайлович и др. 2010. *Большой словарь русских пословиц* (БСПП). Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»].
- Mokeyenko Valeryj Mychajlovuč. 1989. *Slavjanskaja frazeologija*. Moskva: Vysšaja škola [Мокиенко Валерий Михайлович. 1989. *Славянская фразеология*. Москва: Высшая школа].
- Mokeyenko Valeryj Mychajlovuč. 1999. *Obrazý russkoj rečy*. Sankt-Peterburh: Yzdatel'stvo Sankt-Peterburhskoho gosudarstvennoho unyversyteta: Folyo-Press [Мокиенко Валерий Михайлович. 1999. *Образы русской речи*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета: Фолио-Пресс].
- Mokeyenko Valeryj Mychajlovuč. 2007. *Zahadky russkoj frazeologiju*. Sankt-Peterburh: Avalon, Azbuka-klassyka [Мокиенко Валерий Михайлович. 2007. *Загадки русской фразеологии*. Санкт-Петербург: Авалон, Азбука-классика].
- Molotkov Aleksandr Yvanovuč. 1969. *Ot frazeologizma k frazeologizmu*. «Russkij jazýk za rubežom» № 3: 112-114 [Молотков Александр Иванович. 1969. *От фразеологизма к фразеологизму*. «Русский язык за рубежом» № 3: 112-114].
- Molotkov Aleksandr Yvanovuč. 1977. *Osnový frazeologiju russkoho jazýka*. Lenynhrad: Nauka [Молотков Александр Иванович. 1977. *Основы фразеологии русского языка*. Ленинград: Наука].
- Rossyja. *Bol'soj lynchvostranovedčeskij slovar'* (Rossyja: BLS). 2009. Red. Prochorov Ju.E. Moskva: AST-PRESS КНЫНА [*Россия. Большой лингвострановедческий словарь* (Россия: БЛС). 2009. Ред. Прохоров Ю.Е. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА].
- Russkaja frazeologija. Ystoryko-etymolohičeskij slovar'* (RF). 2007. Red. Mokeyenko V.M. Moskva: Astrel': AST: Chranitel' [*Русская фразеология. Историко-этимологический словарь* (РФ). 2007. Ред. Мокиенко В.М. Москва: Астрель: АСТ: Хранитель].
- Šanskyj Nykolaj Maksymovuč. 1985. *Frazeologija sovremennoho russkoho jazýka*. Moskva: Vysšaja škola [Шанский Николай Максимович. 1985. *Фразеология современного русского языка*. Москва: Высшая школа].
- Slovar' russkych hovorov Nyzovoj Pečorý* (SRHNP). V 2-ch t. 2003-2005. Red. Yvaško L.A. Sankt-Peterburh: Fylolohičeskij fakul'tet Sankt-Peterburhskoho unyversyteta [*Словарь русских говоров Низовой Печоры* (СРГНП). В 2-х т. 2003-2005. Ред. Ивашко Л.А. Санкт-Петербург: Филологический факультет Санкт-Петербургского университета].
- Žukov Vlas Platonovuč, Žukov Anatolij Vlasovuč. 2006. *Russkaja frazeologija*. Moskva: Vysšaja škola [Жуков Влас Платонович, Жуков Анатолий Власович. 2006. *Русская фразеология*. Москва: Высшая школа].
- Žukov Vlas Platonovuč, Žukov Anatolij Vlasovuč. 2003. *Škol'nýj frazeologičeskij slovar' russkoho jazýka* (ŠFSRJA). Moskva: Prosveščenyje [Жуков Влас Платонович, Жуков Анатолий Власович. 2003. *Школьный фразеологический словарь русского языка* (ШФСРЯ). Москва: Просвещение].

Summary

PRESERVATION OF INITIAL VERSIONS OF SET PHRASES IN THE SYSTEM OF A DIALECT (ON THE EXAMPLE OF DIALECTS OF LOCAL PECHORA)

Dialect systems, especially island and resettlement, are more conservative and less dynamic in comparison with an actively developing literary language. The oral form of existence of a dialect predetermines a careful attitude to the language and cultural facts leading to the self-identification of an ethnoconfessional community. The preservation – in dialects of Local (Lower) Pechora of the Ust-Tsilemsky Region of the Komi Republic of the Russian Federation – of options of phraseological units which, having undergone lexical, structural or semantic transformation, have become steady turns of the literary language is discussed in this article.

Kontakt z Avtorka:
isurman@rambler.ru